

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 514-523
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.514

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Controversial Issues in the Study of Caucasian Slavery in the Study of A.Yu. Peretyatko (To the Issue of Interpretation of the Phenomenon)

Dmitry S. Dudarev ^{a,*}, Nikita S. Stepanenko ^b

^a Steeltrade Company, Russian Federation

^b FSO –Krasnodar presidential cadet school, Russian Federation

Abstract

The issue of Caucasian slavery in the last 10-15 years has been dynamically developing and being replenished with new relevant research. Researchers from different countries, both the Caucasus region, and Russian scientists, as well as specialists from far abroad, show great interest in the history of slavery in the Caucasus region and more broadly in the countries of the Black Sea basin to clarify the origins of the phenomenon, its history, sources, regional specifics, development dynamics, historical forms, modern remnants of the phenomenon, etc.

Recent developments include an extensive article by A.Yu. Peretyatko (2023), in which the author addressed the problems of studying Caucasian slavery in modern historiography. The purpose of this article is to critically analyze the work of the indicated author, due to the fact that, along with correct and valuable judgments, there are also a number of omissions in the work. They are associated with insufficient consideration of a number of modern studies on Caucasian slavery and some source data. Our analysis is necessary to determine the most relevant directions in the study of the problem of Caucasian slavery, their correct and objective consideration with the maximum involvement of various research points of view.

Keywords: Caucasian slavery, slave trade, captivity, serfdom, predation, Cossack slave owners, cross-border dialogue, frontier.

1. Введение

Проблематика кавказского рабства в последние 10-15 лет является динамично развивающейся и пополняющейся новыми актуальными исследованиями областью научных интересов ученых-историков. Об этом свидетельствует как ряд монографий, сборников статей и документов, так и отдельные статьи, специализирующиеся на проблемах рабства, а также диссертационные исследования (см. обсуждение). Ученые кавказского региона, российские исследователи, а также специалисты дальнего зарубежья проявляют большой интерес к истории рабства в кавказском регионе и шире – в странах Черноморского бассейна. Их совокупный научный интерес сфокусирован на выяснения истоков феномена рабства, его истории, региональной специфики, динамики развития, исторических форм, современных пережитков и т.п.

В число недавних разработок входит и обширная статья А.Ю. Перетятко (2023), в которой автор обратился к проблемам изучения кавказского рабства в современной историографии. Цель настоящей статьи состоит в критическом анализе работы указанного автора для уяснения степени глубины видения специалистом затронутой проблемы. Таковой анализ необходим для определения наиболее актуальных направлений в изучении проблемы кавказского рабства, их корректного и объективного рассмотрения с максимальным привлечением различных исследовательских точек зрения.

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev324@gmail.com (D.S. Dudarev),
stepanekonikita1993@yandex.ru (N.S. Stepanenko)

2. Материалы и методы

Источниками анализа нам послужили как перечисленные выше, так и иные разработки современных специалистов по тематике кавказского рабства, а именно материалы ГАКК (г. Краснодар, Российская Федерация) и труды мемуарного характера.

Исследование базируется на использовании историко-генетического, историко-системного методов, а также на использовании метода анализа источников. Историко-генетический метод исследования способствует установлению истоков и конкретных форм кавказского рабства, их возможного развития в ходе историко-социальных и политических процессов. Применение историко-системного метода позволяет определить место форм кавказского рабства среди аналогичных форм зависимости в других регионах, его специфику и особенности проявления в местной среде. Метод анализа источников позволяет выявить необходимую информацию среди данных разнообразного характера (законодательных актов, мемуаров, путевых заметок и т.п.).

3. Обсуждение

К проблеме кавказского рабства обращаются многие исследователи. Их труды посвящены историческим формам личной зависимости человека от человека и их генезису в северокавказском регионе (Тотоев, 2009; Иноземцева, 2014; Inozemtseva, 2017: 31-41), их особенностям и проявлениям в контексте причерноморско-средиземноморского мира (Возгрин, 2011), историко-политическим процессам на Кавказе в целом (Cherkasov et al., 2018: 1334-1346), функционированию форм личной зависимости в процессе становления и развития русско-северокавказских отношений и особенно в период военных действий на Северном Кавказе в XVIII – середине XIX в. (Клычников, Цыбулькинова, 2011; Цыбулькинова, 2014; Дударев, 2016; Дударев, Дударев, 2017; Дударев, 2022; Dudarev, Dudarev, 2017a: 18-30; Cherkasov, 2020; Tyutyunina, 2018: 40-48, Klychnikov, 2017: 42-51; Klychnikov, 2020; Stepanenko, 2019; Степаненко, 2022 и др.). В настоящее время историками-кавказоведами проделана большая работа по выявлению пласта источников по кавказскому рабству и характеристике самого этого феномена. Однако остается еще немало вопросов, связанных с существенными характеристиками кавказского рабства, с конкретизацией самой этой дефиниции, с выяснением особенностей этого феномена в связи со стадийно-региональными чертами процессов, на фоне которых данное явление развивалось, и т.п.

4. Результаты

А.Ю. Перетяtko правомерно ставит вопрос о необходимости уточнения понятия «рабство» и об особенностях его проявления в кавказских реалиях. В рассматриваемой статье автор анализирует работы современных российских историков, пытаясь найти в разных взглядах на проблему нечто общее. Обобщая положения публикации В.Е. Возгрина, А.Ю. Перетяtko акцентирует внимание на тезисе о том, что рабство в средиземноморских странах, куда продавали рабов из Причерноморья, было достаточно мягким и давало шанс на освобождение (Перетяtko, 2023: 510). Автор характеризует иную точку зрения на проблему следующим образом: «Ю.Ю. Клычников рассматривает кавказское рабство преимущественно в контексте XIX в. с его пафосом борьбы с зависимостью человека от человека, отменой крепостного права в России и Гражданской войной в США. Для него желание горцев продолжать работоторговлю выглядит варварским анахронизмом» (Перетяtko, 2023: 511). При этом В.Е. Возгрин и Ю.Ю. Клычников подчеркивают экспортный характер кавказского рабства.

А.Ю. Перетяtko поднимает важные для теоретического осмысления вопросы, связанные с необходимостью уточнения терминологии и классификации различных проявлений кавказского рабства. Он приводит тезис о том, что в период Кавказской войны, окончание которой почему-то датируется 1863 г., обе противостоящие стороны практиковали торговлю людьми (Перетяtko, 2023: 515).

Во-первых, не вполне понятно о каких *двух* сторонах пишет А.Ю. Перетяtko. Исследователь В.В. Лапин охарактеризовал Кавказскую войну как явление, лишенное внутреннего единства и существующее в виде устоявшейся словесной формулы исключительно благодаря территориальной локализации действий вооруженных сил России (Лапин, 2008: 10). «Здесь [в период «Кавказской войны» – прим. Авт.] переплелось сопротивление вольных обществ российской экспансии, борьба правительства с горскими набегами, туземные междоусобицы, военная составляющая деятельности имама Шамиля и оказанное ему противодействие со стороны местной элиты. Если к этому присовокупить явные признаки межконфессиональных и цивилизационных конфликтов, а также разнообразие мотивов продвижения России, то нецелесообразность попыток найти некое «единое» определение этой войне становится очевидной», – пишет историк (Лапин, 2008: 10-11). Таким образом, можно сделать вывод, что сторон конфликта было значительно больше, чем две.

Во-вторых, следует обратить внимание на тот факт, что крепостное право и торговля людьми – это неждественные понятия. Как метко заметил Б.Н. Миронов, в начале XVIII в. свободным человеком в России был только царь, а все остальные были в той или иной степени закрепощены. Причем большинство было закрепощено на нескольких уровнях: священник – государством и епископом; посадский человек – государством и посадской общиной; помещичий крестьянин –

государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин – казной и сельской общиной. И лишь дворянин был закрепощен только государством. Крепостное право было всеобщим. Существовало крепостничество трех видов: государственное, или казенное, частное и корпоративное (Миронов, 2003: 370). Следовательно, крепостное право вполне может существовать без торговли людьми. Тем не менее торговля людьми в Российской империи имела место, но она регулировалась правовыми нормами, которые на протяжении XVIII–XIX вв. постепенно ограничивали это явление. Указом 1721 г. запрещалось при продаже крестьян разбивать семьи. Указ 1771 г. вводил запрет на продажу крестьян без земли на аукционе с молотка. В 1776 г. запрещалась купля и продажа иностранцев азиатского происхождения и обращение их в крепостное состояние в результате плена (Миронов, 2003: 388). Указы 1802, 1804, 1808, 1827, 1833 и 1841 гг. ограничили некоторыми условиями право помещиков продавать, дарить своих крепостных и ссылать их в Сибирь. Конечно, имели место примеры неисполнения данных правовых норм, различных злоупотреблений, но Российское государство взяло курс на сворачивание различных форм несвободы. В то же время на Северном Кавказе наблюдалась обратная тенденция. В конце XVIII – начале XIX вв. между Анапой (западно-кавказским центром торговли невольниками и селением Эндери, схожим по специализации пунктом работорговли и пленопродавства Северо-Восточного Кавказа) по «османской дороге» (или еще – по «османовому шляху») был налажен своеобразный транзитный коридор поставки «живого товара» (Приймак, 2011: 205). Торговлю невольниками стимулировали активно развивающиеся товарно-денежные отношения и отсутствие единого государственного центра, который регулировал бы взаимоотношения в этой сфере, в том числе при помощи норм права. Таким образом, важным является уточнение тезиса А.Ю. Перетятко о том, что торговля людьми в XVIII–XIX вв. имела место в России и на Кавказе. Это действительно было так, но на территории первой она в этот период системно ограничивалась и регулировалась государством при помощи норм права. На большей части Кавказа работорговля динамично развивалась и не регулировалась нормами права. Тенденции развития различных форм зависимости были противоположными.

Утверждение А.Ю. Перетятко о том, что в случае более ранней победы России в Кавказской войне пленопродавство на Кавказе, вероятно, просто сменилось бы крепостничеством, более чем сомнительно. Автор аргументирует данный тезис тем, что к 1796 г. крестьяне, проживавшие на территории Войска Донского, были закрепощены, соответственно, такая же участь должна была постигнуть и жителей Северного Кавказа. Но примерно в то же время, в 1816–1819 гг., крепостное право было отменено в Прибалтике. После взятия под контроль Кабарды в 1820-е гг. Россия также не стала насаждать в регионе крепостничество. Мы считаем конструирование и анализ не случившихся исторических событий непродуктивным занятием. Но существенно заметить не только это.

Мы ни в коем случае не стремимся «реабилитировать» российское крепостничество и преподнести его в лучшем свете. Дело в другом. В русском обществе еще в XVIII в. появились люди, решительно осуждавшие самодержавно-крепостнический строй (А.Н. Радищев). Более того, неприятие крепостничества становилось императивом даже в части самых высших кругов страны. Наследник престола, Александр Павлович, будущий император Александр I, записал: «К стыду России, рабство в ней еще существует. Не нужно, думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оно прекратилось» (История России..., 2008: 409). Осознание неприемлемости российского крепостничества в XIX в. стало прочным достоянием «людей сороковых». В.Г. Белинский в письме к Н.В. Гоголю назвал николаевскую Россию страной, где «люди торгуют людьми» (История России..., 2008: 553). Это позорное явление было общим врагом как западников, так и славянофилов. Перед крестьянской реформой 1861 г. И.С. Тургенев, отражая настроения в обществе, писал: «Всем в России известно, что в этом важном вопросе правительство идет в ногу с общественной мыслью в стране» (История России..., 2008: 593). Иными словами, в середине XIX в. в российском социуме существовал четкий антикрепостнический тренд, и в силу этого никто не собирался навязывать крепостничество народам Кавказа. Другое дело, что реализовать проекты по освобождению крестьянства было, по известным причинам, весьма непросто.

На Кавказе процесс раскрепощения лично зависимых групп населения затянулся в силу местной специфики, а также в силу позиции царя, Александра II, «не все делать вдруг». Особо подчеркнем то, что местные феодальные круги не желали расставаться с прежней властью над лично зависимыми людьми. Этот мотив был весьма существенным в таком явлении, как мухаджирство. Исследователи отмечают, что за массовое переселение ратовала наиболее реакционная часть горского дворянства, заинтересованная в сохранении своей власти над крестьянством на новом месте: черкесские верхи и в Турции желали эксплуатировать зависимые слои. В.В. Дегоев прямо указывает на то, что верхушка тфокотлей совместно с частью родовитой аристократии спровоцировала переселенческое движение (Дегоев, 2009: 443). Черкесские феодалы уезжали за море, увлекая за собой и своих крестьян, используя традиционные рычаги феодальной власти, обычаи, привычки, религиозный фактор (Чекменев, 2007: 78). В то же время горские просветители с осуждением писали о положении домашних рабов (Хан-Гирей), которые делались жертвами бесчеловечия владельцев (Норченко, Айларова, 2013: 231–232). Однако степень их влияния на происходившие в обществе процессы вряд ли была значительной.

Весьма примечателен и один немаловажный штрих проблемы. Те русские крепостные крестьяне, которые оказывались в горском плену, по выходе из него освобождались от крепостного состояния. Показательна история крепостного маркитанта Н.И. Шипова, который, будучи грамотным, оставил воспоминания (Шипов, 2011: 3-31; Дударев, 2022: 350-358). В его мемуарах ключевой является фраза «Плена у горцев хоть и страшился, но в душе желал его». Она прямо указывает на существующее правило, о котором было хорошо известно и которое являлось своеобразным, хотя и весьма рискованным, путем приобретения свободы крепостными крестьянами. Шипов провоцировал свое похищение горцами, ходя один из крепости Внезапной в соседний аул Эндери. Пережив эпопею в плену, после бегства он подал прокурору вместе со свидетельством о плене ходатайство «об освобождении от помещичьего владения», которое было впоследствии удовлетворено (Шипов, 2011: 30).

Важным инструментом для теоретического осмысления является использование классификации критериев личной свободы, предложенных историком Б.Н. Мироновым для северокавказских реалий. Он предлагает следующие признаки: 1) свобода от всех форм внеэкономической, личной зависимости; 2) свобода в выборе места жительства; 3) свобода социальных перемещений; 4) приобретение полного и неограниченного права на частную собственность любого движимого и недвижимого имущества; 5) свобода в выборе занятия и профессии; 6) социальная защищенность: лишение достоинства, чести, имущества только по суду. Анализ по данным критериям положения представителей различных категорий зависимого населения поможет лучше понять различные проявления рабства на Северном Кавказе.

А.Ю. Перетяtko предполагает, что отдельные российские подданные, оказавшись на Кавказе, должны были пытаться извлечь выгоду из торговли людьми, пока такая торговля имела место в империи. Это действительно так. В середине XIX в. в горах Закубанья проживали беглые казаки и крестьяне, которые занимались захватами и торговлей пленниками. Исследователи на основании материалов из ГАКК выделяют группу казаков-«рабовладельцев», ведших указанного рода деятельность (Dudarev, 2022: 72-73). Судя по поступкам этих дезертиров и беглецов, они были достаточно расчетливыми и циничными людьми, так как захватывали в плен, покупали и продавали таких же, но менее удачливых перебежчиков. Среди казаков-«рабовладельцев» заметное место занимали казаки-некрасовцы (именуемые еще липованами) (Дударев, Дударев, 2022: 70-74), о «деятельности» которых фактически упоминает А.Ю. Перетяtko, но по непонятной причине не употребляет термина «некрасовцы».

Имели место примеры соучастия российских чиновников в работорговле (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1364). При этом мы должны учитывать, что российские власти однозначно воспринимали такие деяния, как проявления делинквентного поведения, за которые сурово наказывали. Одновременно сами власти, учитывая существующие в крае традиции и практики, стремились захватывать горцев в плен для осуществления будущего обмена их на российских военнослужащих и мирных обывателей, попавших в неволю. Этот пример весьма показателен в рамках феномена «окавказивания» российских структур, особенно армии в период «Кавказской войны», когда специфика событий привела к «приватизации» регулярных российских частей (Лапин, 2008: 279).

А.Ю. Перетяtko много внимания уделил положению плененных российскими войсками девушек (девочек)-горянок. При этом он достаточно детально и квалифицированно проанализировал часть полемики, которая велась историками по этому поводу (статьи Ю.Ю. Клычникова и О.С. Мугиевой). Он верно пришел к выводу о том, что даже беззащитные девушки-горянки, захваченные в плен, не обращались в крепостное состояние. В этой связи нужно заметить следующее: в исследуемый период понятия «девушка (женщина)-горянка» не существовало. Имел место только один термин, доступный и понятный массам российских участников событий – «черкешенка». Дефиниция «горянка» – это продукт советской эпохи, когда горские девушки и женщины превращались из объекта, который можно купить, продать, насильно выдать замуж и т.п., в субъект. Женщины могли достигнуть (и достигали: горянки-учителя, вузовские преподаватели, врачи, механизаторы, поэтессы, летчицы, депутаты и др.) в нем равного положения с мужчиной*.

Как и в ряде других случаев, А.Ю. Перетяtko упущены работы по данной стороне рассматриваемого им вопроса, особенно публикации А.А. Цыбульниковой (помимо их совместного с Ю.Ю. Клычковым издания, о котором знает данный автор). Между тем в них есть важные сведения о брачной политике российских властей в интересующий нас период. Они серьезно дополняют вопрос и демонстрируют тот очевидный факт, что указанная политика способствовала, в частности, достижению стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе, жизнеобеспечению пленниц-сирот кавказского происхождения, демографическому приросту за счет создания смешанных семей со служащими российской армии**.

* Ныне ситуация вновь изменилась не в лучшую сторону. Из сети Интернет известно немало случаев домашнего насилия в тех или иных северокавказских республиках, вынуждающего девушек бежать от него.

** Брак с пленной черкешенкой, по свидетельству лермонтовского очерка «Кавказец», был для его обобщенного героя предметом «почти несбыточной мечты» (Лермонтов, 1965: 13). Между тем картина, засвидетельствованная историками, фиксирует то, что в Центральном и Северо-Восточном

А.Ю. Перетягко прав, утверждая, что совершенно некорректно рассматривать историческое кавказское рабство и пленопродавство в современных аксиологических категориях (Перетягко, 2023: 525). Он отмечает, что кавказские практики работорговли стигматизируются как хищничество в отличие от российского крепостного права. Считаю важным обратить внимание на то, что термин «хищничество» достаточно широко употребляется в российской делопроизводственной документации XVIII-XIX вв. Использование данного термина продиктовано не желанием дискредитировать какие-либо этнические группы или государственные образования, а принципом историзма. Российская империя, как и любое другое государство, никогда бы не смирилась с набегами и захватом пленников. Глубокое неприятие этого явления, в отличие от иных форм рабства, связано с тем, что оно шло в противоречие с одной из ключевых функций государства – обеспечением безопасности. Именно поэтому оно получило такой эмоционально окрашенный термин «хищничество». Следует отметить, что жертвами этого явления были как горцы, так и представители восточнославянского населения. Именно Россия стала единственной крупной политической силой, которая целенаправленно и систематично боролась с пленопродавством на Северном Кавказе. Это соответствовало мироустроительной функции Российской империи (Дударев, 2016а: 105-114), которая была тесно связана с мотивом безопасности ее подданных (см. выше). Но дело было не только в этом. Стремление пресечь работорговлю/пленопродавство было тесно связано с необходимостью ликвидировать каналы, связывавшие горцев с Османской империей. Это хорошо понимали не только военные и политики, но и «наше все» А.С. Пушкин, который писал о необходимости приобретения Россией «восточного края Черного моря», которое отрешит горцев от Турции и вынудит их к сближению с Россией (Дударев, Дударев, 2017: 43). Таким образом, в основе ликвидации российскими властями горской работорговли/пленопродавства лежали, прежде всего, политические мотивы.

Здесь также нельзя не заметить, что тезис ряда историков о том, что положение рабов на Кавказе и прилегающих территориях было сравнительно терпимым (этот взгляд, полагаем, идет еще от рассуждений Э. Спенсера) (Спенсер, 1994: 56; Возгрин, 2011: 90-100; Toledano Ehad, 1982: 4), вызывает ряд возражений. Например, многие российские дезертиры, оказавшись в горах, попадали в незавидное положение. Поляк Теофил Лапинский сообщает о том, что пленного офицера или солдата мучают самыми ужасными работами, голодом и ужасным содержанием, причем цель всего этого – ускорение выкупа и получение большей суммы денег (Лапинский, 1995: 149). Аналогичные сведения приводил и Д. Лонгворт (Лонгворт, 2002: 254-255). В результате подобного отношения значительное количество дезертиров пыталось бежать обратно, на контролируемые Россией территории, несмотря на угрозу наказания. А.А. Черкасов в своем фундаментальном сборнике документов по истории Северо-Западного Кавказа показал масштабы бегства горцев под покровительство России. Важной причиной этого явления являлся страх стать рабом (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Это была своеобразная форма протеста представителей широких масс горских обществ против порабощения.

А.Ю. Перетягко правомерно ставит вопрос о том, можно ли рассматривать социальные практики кавказской работорговли как формы не конфронтации, а трансграничного диалога. Однако напомним этому автору, что подобная постановка уже фактически звучала ранее появления его рассматриваемой работы в исследовании одного из авторов данной статьи (Дударев, 2016: 24). В процессе общения с пленниками все больше расширялись знания горцев в области русского языка, их представлений о российской действительности, социально-экономической, политической жизни и т.п. С другой же стороны, пленники были тем своеобразным каналом коммуникации, в рамках которого, хотя и не по доброй воле, шло расширение знаний россиян о мире горцев. Любопытно, что порой пленники стремились пережить самые настоящие «культурные приключения» в горской среде ради большего ее узнавания (С. Беляев) (Дударев, Дударев, 2018: 43-51). Особого упоминания заслуживают горские пленники в русской среде. Наиболее примечательны судьбы Петра Захарова, первого художника-чеченца, попавшего в Россию ребенком после взятия его родного села Дады-Юрт, а также героя войны 1812 г. генерала Александра Чеченского, плененного после взятия его родного аула Алды, откуда происходил известный шейх Мансур. Оказавшись в русской среде в результате военных действий и гибели их родственников, эти люди являют собой яркий, хотя и, безусловно, драматический пример своеобразного диалога российского и горского социумов. В результате горские пленники благодаря доброй воле своих воспитателей (в первом случае родственников А.П. Ермолова, во втором – семьи будущего ген. Н.Н. Раевского) и под влиянием передовой русской культуры стали одними из достойных представителей своего народа в российской и чеченской истории.

Анализируя статью Ю.Ю. Клычникова (Klychnikov, 2020: 4-18), А.Ю. Перетягко указывает при этом на то, что Россия не смогла искоренить, но только временно подавила практику захвата и продажи рабов горцами, которая в моменты ослабления российских государственных институтов возрождалась. Автор указывает на то, что в такой концепции очевидно прослеживаются идеи «школы В.Б. Виноградова» (кавычки А.Ю. Перетягко), учителя Ю.Ю. Клычникова, о «безусловно благотворном влиянии Российской империи на кавказские народы» (Перетягко, 2023: 514).

Кавказе в первой половине XIX в. наблюдался рост смешанных браков, с российской стороны представленных холостыми рекрутами и офицерами нижнего звена (Цыбулькина, 2014: 205-216).

Между тем Ю.Ю. Клычников, на наш взгляд, прав в своих выводах. Когда в результате событий конца 1980-х – начала 1990-х имел место всплеск чеченского сепаратизма, практика похищения людей и превращения их практически в невольников пережила своеобразное «возрождение». При этом на рабском положении оказались не только «сидельцы» дудаевско-масхадовских «зинданов», но и вовлеченные обманом в такую же ситуацию подневольные рабочие (выходцы их других регионов России). Впрочем, коллеге Перетягко осталось неизвестным и то, что и до указанных событий в 1970–1980-х гг. в горах Чечни встречались беспаспортные «бомжи», жившие на положении подневольных лиц и трудившиеся на своих хозяев за еду и водку. Но здесь уместно сказать не только о возобновлении «внешней подпитки» института пленопродавства в сложных условиях конца 1980–1990-х, когда в стране пошатнулась государственная стабильность и порядок, что особенно «аукнулось» на Кавказе. Специально укажем и на то, что, по-видимому, осталось вне поля зрения А.Ю. Перетягко. В ментальности горцев Дагестана (и не только их одних) роль играла сословная принадлежность брачующихся, особенно жениха. Если его родители (или даже один из его родителей) в 7–10-м поколениях являлись рабами, то с ними не обручали свою дочь родители из свободных сословий. Еще в конце 1990-х гг. на этой почве в Дагестане вспыхивали серьезные внутрисоциальные конфликты, имевшие тяжелые последствия (Гаджимурадова, 2020).

Что же касается двусмысленных кавычек в отношении Школы В.Б. Виноградова, то этот прием демонстрации негативного отношения к известному отечественному научному коллективу не украшает уважаемого оппонента Ю.Ю. Клычникова. Одновременно не можем не отметить, что как сам В.Б. Виноградов, так и его ученики никогда не скрывали сложностей, а также драматических и трагических сторон российско-кавказского взаимодействия. Но на первый план они действительно ставили и ставят положительные аспекты отношений Большой России и Северного Кавказа. При этом Школа В.Б. Виноградова всегда руководствовалась высказыванием акад. Б.Б. Пиотровского о том, что в истории всегда было больше дружбы и меньше крови, потому что если бы было наоборот, то история давно бы закончилась. Эта мудрая мысль сегодня, когда Россия и ее внутреннее единство в очередной раз переживают трудные испытания, вновь актуальна и злободневна.

Мы во многом согласны с одним из главных выводов А.Ю. Перетягко о том, что кавказское рабство было рабством фронта, пограничья, на котором, в силу его специфики, было легко брать и укрывать пленников. Однако о роли фронта, причем в его барреттовском понимании, когда он является территорией неопределенности (Барретт, 2000: 163–169), писали и до выхода статьи А.Ю. Перетягко (Dudarev, 2022a: 80), и мы рекомендуем ученому ознакомиться с их работами.

Возвращаясь назад, подчеркнем, что, по мнению все того же Ю.Ю. Клычникова*, национальные субъекты Северного Кавказа до конца XX в. фактически продолжали оставаться «фронтиром» при внешней включенности в советские и российские структуры. После того как завершились военные действия «Кавказской войны» и территориально фронт фактически перестал существовать, связанные с ним социокультурные стереотипы перешли в область ментальности, каждый раз проявляясь впоследствии при ослаблении центральности власти (см. выше).

5. Заключение

Таким образом, рассмотренные выше аспекты работы А.Ю. Перетягко позволяют сделать следующие выводы.

Попытка конкретизации дефиниции кавказского рабства/пленопродавства, предпринятая А.Ю. Перетягко, является своевременной и полезной. Автор прав, указывая на специфику кавказского региона, народы которого и их социальные отношения существовали на стыке культур, религий и эпох, находясь на разных ступенях общественного развития. Верно указывается на необходимость выстраивания иерархии видов рабства на Кавказе, а также на обязательное понимание неоднородности и специфики феномена. Мы уже отмечали выше, что одним из главных выводов А.Ю. Перетягко является тот, что кавказское рабство было рабством фронта. Признавая тот факт, что он являлся наиболее благоприятной сферой для длительного существования форм личной зависимости человека от человека, мы подчеркиваем переживание их в том или ином виде вплоть до недавнего времени. Рабское прошлое предков еще совсем недавно могло существенно влиять на статус современного человека.

Одновременно мы не можем не указать на то, что в процессе своего довольно пространный анализ А.Ю. Перетягко был допущен ряд неточностей. Автор порой оказывается не в курсе тех или иных важных исследований коллег, а также не в курсе существенных нюансов в том или ином аспекте темы. Иногда он оказывается в плену определенной идеи, например, с упорством ставит знак равенства между личными формами зависимости у кавказцев и россиян, т.е. между кавказским рабством/пленопродавством и русским крепостничеством. Не повторяя сказанного нами выше, отметим то, что кавказские формы личной зависимости были тупиковой ветвью общественных отношений. Крепостное право в России не только неоднократно осуждалось лучшими представителями общества, но и было, в конце концов, отменено, что дало дорогу для развития страны по пути прогресса. Кавказские общества исторически

* Личная беседа авторов с ученым.

не имели достаточного потенциала для критического преодоления феномена рабства и отказа от него для улучшения собственных исторических перспектив. Рабство на Кавказе было отменено русским посткрепостническим обществом в ходе знаменитых реформ 1860–1870-х гг. Сказанное приводит нас к выводу о том, что дальнейшие исследования в области систематизации и уточнения дефиниций, связанных с кавказским рабством, которые планирует А.Ю. Перетяцько, должны осуществляться во всеоружии знаний литературы и источников по проблеме. Это весьма благодатное, но и одновременно сложное поле для исследования. Ожидая от А.Ю. Перетяцько новых интересных разработок, мы вправе рассчитывать на совершенствование им своих исследовательских подходов и пополнение научного багажа.

Литература

- Барретт, 2000** – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский фронт России / Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163-194.
- Возгрин, 2011** – *Возгрин В.Е.* Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. Вып. 3. С. 90-100.
- Гаджимурадова, 2020** – *Гаджимурадова З.М.* Этническое самосознание дагестанцев на породе XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и младшего поколения аварцев и кумыков). Махачкала: изд-во ALEF, 2020. 275 с.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Дегоев, 2009** – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
- Дударев, 2016** – *Дударев Д.С.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века: автореф. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2016. 26 с.
- Дударев, 2016а** – *Дударев С.Л.* Российская политика на Северном Кавказе – мироустройство или мессианство (в общегосударственном контексте) // *Статьи и заметки по истории. Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова.* Вып. 2. Армавир, 2016. С. 105-114.
- Дударев, 2022** – *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 382 с.
- Дударев, Дударев, 2017** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
- Дударев, Дударев, 2018** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.) // *Вопросы истории.* 2018. № 8. С. 43-51.
- Дударев, Дударев, 2022** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Казаки-некрасовцы на Кубани в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам ГАКК) / *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции* / под редакцией С. Н. Лукаша, А. А. Цыбулькиной. Армавир: РИО АГПУ, 2022. С. 70-74.
- Иноземцева, 2014** – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИФЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.
- История России..., 2008** – *История России XVIII-XIX веков.* Под ред. акад. Л.В. Милова. М.: ЭКСМО, 2008. 784 с.
- Клычников, Цыбулькинова, 2011** – *Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011. 256 с.
- Лазарян, Маслова, 2022** – *Лазарян С.С., Маслова О.Б.* Кавказское пограничье как потаённое пространство в реалиях России XIX века // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2022. Т. 9(3). С. 404-409.
- Лалин, 2008** – *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. 400 с.
- Лалинский, 1995** – *Лалинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. 463 с.
- Лермонтов, 1965** – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. Т.4. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 518 с.
- Лонгворт, 2002** – *Лонгворт Д.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. 541 с.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): 1 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 587 с.
- Норченко, Айларова, 2013** – *Норченко Е.А., Айларова С.А.* Модернизация Северного Кавказа в 20-50-годы XIX века. Владикавказ, 2013. 284 с.
- Перетяцько, 2023** – *Перетяцько А.Ю.* Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 508-530.

Приймак, 2011 – Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.

Спенсер, 1994 – Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994.

Степаненко, 2022 – Степаненко Н.С. Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830– 1860-е гг.): дис. ... канд ист. наук. Пятигорск, 2022.

Тотоев, 2009 – Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века). Нальчик, 2009. 115 с.

Цыбулькинова, 2014 – Цыбулькинова А.А. Брачная политика российских властей на Северном Кавказе как один из инструментов интеграции горских обществ в состав российского государства / Дударев С.Л., Дударев Д.С., О.В. Ктиторова, А.А. Цыбулькинова. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 205-216.

Чекменев, 2007 – Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып.7. Пятигорск, 2007. С. 67-81.

Шипов, 2011 – Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 6. Нальчик: Полиграфсервис, 2011. С. 3-31.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov A.A., Ivantsov V., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1334-1346.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1. Pp. 1415-2266.

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev S.L., Dudarev D.S. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18-30.

Dudarev, 2022a – Dudarev S.L. On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries // *Slavery: Theory and Practice*. 2022. 7(1): 70-85.

Inozemtseva, 2017 – Inozemtseva E.I. To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 31-41.

Klychnikov, 2017 – Klychnikov Yu.Yu. The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 42-51.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18.

Stepanenko, 2019 – Stepanenko N.S. Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 29-34.

Toledano, 1982 – Toledano E.R. The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840-1890, Princeton: Princeton University Press, 1982. 307 p.

Tyutyunina, 2018 – Tyutyunina E.S. To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 40-48.

References

Barrett, 2000 – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya*. Samara, 2000. T. 2. Imperatorskij period. Pp. 163-194. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (date of access: 02.09.2021). [in Russian]

Чекменев, 2007 – Чекменев, С.А. (2007). Из истории переселения гортсев в Турцию [From the history of the resettlement of highlanders to Turkey]. *Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza*. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp.7. Pyatigorsk. Pp. 67-81. [in Russian]

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', Michal, Bratanovskii, S.N. (2020). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-134.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Degoiev, 2009 – Degoiev, V.V. (2009). Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya [The Caucasus and the Great Powers 1829-1864. Politics, war, diplomacy]. M.: Izdatel'skij dom «Rubezhi XXI», 560 p. [in Russian]

Dudarev, 2016 – Dudarev, D.S. (2016). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny XIX veka [Northern Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half of the 19th century]: avtoref. diss. kand. ist. nauk. Armavir, 26 p. [in Russian]

Dudarev, 2016a – Dudarev, S.L. (2016). Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze – miroustroitel'stvo ili messianstvo (v obshchegosudarstvennom kontekste) [Russian policy in the North

Caucasus – peacebuilding or messianism (in a national context)]. Stat'i i zametki po istorii. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova*. Vyp. 2. Armavir. Pp. 105-114. [in Russian]

Dudarev, 2022 – *Dudarev, S.L.* (2022). K istorii Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XXI veka. Sbornik nauchnyh statej i retsenzij [To the history of the North Caucasus of the 18th – early 21st centuries. Collection of scientific articles and reviews]. Armavir: AGPU; Stavropol': Dizajn-studiya B, 382 p. [in Russian]

Dudarev, 2022a – *Dudarev, S.L.* (2022). On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries. *Slavery: Theory and Practice*. 7(1): 70-85.

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017a – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

Dudarev, Dudarev, 2018 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2018). Russian soldier in Chechen captivity (40s of the 19th century). *Voprosy istorii*. 8: 43-51. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2022 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2022). Kazaki-nekrasovcy na Kubani v konce XVIII – nachale XIX v. (po materialam GAKK) [Nekrasov Cossacks in Kuban at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. (based on materials from GAKK)]. *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy Trinadcatoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pod redakciej S. N. Lukasha, A. A. Cybul'nikovoj. Armavir: RIO AGPU. Pp. 70-74. [in Russian]

Gadzhimuradova, 2002 – *Gadzhimuradova, Z.M.* (2020). Etnicheskoe samosoznanie dagestancev na porode XXI veka (na materiale sravnitel'nogo issledovaniya etnostereotipov starshego i mladshego pokoleniya avarcev i kumykov) [Ethnic self-awareness of Dagestanis on the breed of the 21st century (based on a comparative study of ethnic stereotypes of the older and younger generations of Avars and Kumyks)]. Mahachkala: izd-vo ALEF, 275 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of the Krasnodar Krai].

Inozemceva, 2014 – *Inozemceva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Oчерki istorii [The institution of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Mahachkala: IIFE DNC RAN, ALEF, 298 p. [in Russian]

Inozemtseva, 2017 – *Inozemtseva, E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.

Istoriya Rossii..., 2008 – *Istoriya Rossii XVIII-XIX vekov* [History of Russia in the 18th-19th centuries]. Pod red. akad. L.V. Milova. M.: EKSMO, 2008. 784 p. [in Russian]

Klychnikov, 2017 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2017). The slave trade factor in Russian policy in the North Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 42-51.

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu. Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Klychnikov, Tsybulnikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Tsybulnikova, A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie oчерki) (2011) [“This is how laws crowd out violent freedom...”: the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod red. B.V. Vinogradova. Pyatigorsk, 256 p. [in Russian]

Lapin, 2008 – *Lapin, V.V.* (2008). Armija Rossii v Kavkazskoj voine XVIII – XIX vv. [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th – 19th centuries]. St. Petersburg, 400 p. [in Russian]

Lapinsky, 1995 – *Lapinsky, T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya voina protiv russkikh [Mountaineers of the Caucasus and their liberation war against the Russians]. Nalchik, 463 p. [in Russian]

Lazaryan, Maslova, 2022 – *Lazaryan, S.S., Maslova, O.B.* (2022). The Caucasian borderland as a hidden space in the realities of Russia in the 19th century. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 9(3): 404-409 [in Russian]

Lermontov, 1965 – *Lermontov, M.Yu.* (1965). Sobranie sochinenii [Collected works]. T. 4. M.: Izd-vo «Khudozhestvennaya literatura». 518 p. [in Russian]

Longworth, 2002 – *Longworth, D.* (2002). God sredi cherkesov [A year among the Circassians]. Nalchik, 541 p. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.) [Social history of Russia during the imperial period (XVIII - early XX century)]: 1 t. 3-e izd., ispr., dop. SPb.: «Dmitrii Bulanin». 587 p. [in Russian]

Norchenko, Aylarova, 2013 – *Norchenko, E.A., Aylarova, S.A.* (2013). Modernizatsiya Severnogo Kavkaza v 20-50-gody XIX veka [Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the 19th century]. Vladikavkaz, 284 p. [in Russian]

- Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2003). Nekotorye problemy izucheniya kavkazskogo rabstva kak tselostnogo fenomena v sovremennoi russkoyazychnoi istoriografii. Chast' I [Some problems of studying Caucasian slavery as an integral phenomenon in modern Russian-language historiography. Part I]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68(2): 508-530. [in Russian]
- Priymak, 2011 – Priymak, Yu.V. (2011). Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri-i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.) [The North-Eastern Black Sea region in the domestic and foreign policy processes of the formation of the southern borders of Russia (late 17th – first third of the 19th century)]. *Armavir*, 359 p. [in Russian]
- Shipov, 2011 – Shipov, N. (2011). Istoriya moei zhizni. 1845 [The story of my life. 1845]. V plenu u gortsev. Vyp. 6. Nal'chik: Poligrafservis. Pp. 3-31. [in Russian]
- Spencer, 1994 – Spencer, E. (1994). Puteshestviya v Cherkesiyu [Travels to Circassia]. Maikop: RIPO «Adygeya». 153 p. [in Russian]
- Stepanenko, 2019 – Stepanenko, N.S. (2019). Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 29-34.
- Stepanenko, 2022 – Stepanenko, N.S. (2022). Lokal'nye pereseleniya na Severo-Zapadnom Kavkaze v usloviyakh integratsii regiona v sostav Rossiiskoi imperii (1830– 1860-e gg.) [Local resettlement in the North-West Caucasus in terms of integration of the region into the Russian Empire (1830–1860s)]: dis. ... kand ist. nauk. Pyatigorsk. [in Russian]
- Toledano, 1982 – Toledano, E.R. (1982). The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840-1890, Princeton: Princeton University Press, 1982. 307 p.
- Totoev, 2009 – Totoev, F.V. (2009). Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka) [Social system of Chechnya (second half of the 18th-40s of the 19th century)]. *Nal'chik*, 115 p. [in Russian]
- Tsybulnikova, 2014 – Tsybulnikova, A.A. (2014). Brachnaya politika rossiiskikh vlastei na Severnom Kavkaze kak odin iz instrumentov integratsii gorskikh obshchestv v sostav rossiiskogo gosudarstva [Marriage policy of the Russian authorities in the North Caucasus as one of the tools for the integration of mountain societies into the Russian state]. Dudarev S.L., Dudarev D.S., O.V. Ktitorova, A.A. Tsybul'nikova. Problemy integratsii etnicheskikh soobshchestv v sostav Rossiiskogo gosudarstva i puti ikh resheniya (na primere Severnogo Kavkaza): monografiya. Armavir: Dizain-studiya B. Pp. 205-216. [in Russian]
- Tyutyunina, 2018 – Tyutyunina, E.S. (2018). To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 40-48.
- Vozgrin, 2011 – Vozgrin, V.E. (2011). Rabstvo v stranah Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (late Middle Ages – modern times)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 3: 90-100. [in Russian]

Дискуссионные вопросы изучения кавказского рабства в исследовании А.Ю. Перетяtko (к вопросу о трактовке феномена)

Дмитрий Сергеевич Дударев ^{a, *}, Никита Сергеевич Степаненко ^b

^a Общество с ограниченной ответственностью «Стальтрейд», Российская Федерация

^b Краснодарское президентское кадетское училище, Российская Федерация

Аннотация. Проблематика кавказского рабства в последние 10-15 лет является динамично развивающейся и пополняющейся новыми актуальными исследованиями. Ученые разных стран проявляют большой интерес к истории рабства в кавказском регионе (и шире – в странах Черноморского бассейна) для выяснения истоков феномена, его истории, источников, региональной специфики, динамики развития, исторических форм, современных пережитков и т.п.

В число недавних разработок входит и обширная статья А.Ю. Перетяtko (2023), в которой автор обратился к проблемам изучения кавказского рабства в современной историографии. Цель настоящей статьи состоит в критическом анализе работы указанного автора в связи с тем, что наряду с верными и ценными суждениями в работе присутствует и ряд упущений. Они связаны с недостаточным учетом ряда современных исследований по кавказскому рабству и некоторых источниковых данных. Наш анализ необходим для определения наиболее актуальных направлений в изучении проблемы кавказского рабства, их корректного и объективного рассмотрения с максимальным привлечением различных исследовательских точек зрения.

Ключевые слова: кавказское рабство, работорговля, пленопродавство, крепостное право, хищничество, казаки-рабовладельцы, трансграничный диалог, фронтир.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev324@gmail.com (Д.С. Дударев), stepanekonikita1993@yandex.ru (Н.С. Степаненко)